

нения в составе научно-педагогических кадров высшей школы Северного Кавказа в целом отражало общегосударственную политику в отношении ученых.

Форсированное увеличение численности научных работников, в 1920–1930-е годы, социальные чистки, занижение профессиональных и применение политических критериев отбора, аттестации и продвижения исключали здоровую конкуренцию в науке и имели следствием снижение уровня квалификации научных кадров. Власть в лице государства являлась более значимой в системе общественных отношений, чем наука.

Вместе с тем, целенаправленная государственная политика по формированию системы научных учреждений способствовала становлению научного пространства на Северном Кавказе. Однако в период 1920–1930-х гг. в российской провинции ученый еще не стал самостоятельной и независимой властью, способной влиять на социокультурные и иные процессы в регионе.

Литература

1. Воскресенский А. И., Сретенский Н. Н. Научные работники и научные учреждения Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1927.
2. ГАРФ Ф.Р-2306. ОП.70. Д.3400. Л.14–33.
3. ГАСК.Ф. Р. 89.Оп.1.Д. 45.Л. 27.
4. Народное просвещение, 1927, № 2. С.15.
5. Сокулер З. К. Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко // Знание власть: наука в обществе модерна. Спб, 2001.
6. Фуко М. Воля к истине: по Ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
7. ЦХДНИРО. Ф.7. ОП.1. Д.681. Л.15.

УДК 94 (479) “18/1917”

Лазарян Сергей Степанович

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ХОДЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В статье показано, как обстоятельства места в условиях Кавказской войны создавали причудливое сочетание способов и форм взаимодействия между горцами Кавказа и русскими, обогащая обе стороны этническими артефактами и знаниями, образуя систему межкультурной адаптации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; заимствования; горцы; кавказцы; факторы; прочные связи; Кавказская война; плен.

Lazaryan Sergey S.

THE SPECIAL FEATURES OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE COURSE OF CAUCASIAN WAR

The article shows the way the circumstances of place created the quaint combination of methods and forms in the interaction of Caucasian highlanders and Russians, enriching both sides with ethnic artifacts and knowledge, forming the system of intercultural adaptation.

Key words: intercultural communication; adoptions; highlanders; Caucasians; factors; strength connections; Caucasian war; captivity.

Поскольку общение есть форма коммуникативной деятельности и существования всех обществ [1, с. 245], горские общества, весь мир Кавказа не могли избежать взаимодействия с миром России, который нарастающее активно врывается в их географическое и социальное пространство на протяжении длительного времени.

Этнокультурные исследования свидетельствуют, что характер и содержание межэтнических контактов зависят от способности и желания их участников понимать друг друга и достигать согласия, которые предопределяются их этнической культурой [2, с. 201].

Согласно концепции Л. Н. Гумилева, в процессе этногенеза общества приобретают и расходуют энергию, которая создает определенное этническое поле. Этническое поле каждого этноса взаимодействует с этническими полями других этносов при их встрече. Если колебания этнических полей гармонируют друг с другом, то этносы делаются комплиментарными друг другу, устанавливая прочные связи, если такой гармонии не случается, то возникает сильное социокультурное напряжение, затрудняющее коммуникацию, поскольку взаимодействующие этносы ощущают чуждость и враждебность социокультурных структур друг друга [3].

В ходе исторического развития этносы вступают в контакт с другими этносами в условиях разных исторических обстоятельств. Эти исторические обстоятельства превращаются в фон, на котором и в рамках которого происходит межэтнический контакт. В связи с этим «в этнической памяти такие события сохраняются, превращаются в спланивающий фактор» [2, с. 207], служат средством этнической мобилизации. При этом разные роли этносов при данных исторических обстоятельствах порождают различные оценки одних и тех же событий, в которые они были вовлечены.

В силу ограниченности ресурсов и своей исторической локальности, большинство архаических обществ Кавказа не могли остановить культурной экспансии со стороны России, но отчаянно сопротивлялись, противопоставляя силе российского модерна трудносокрушимую силу традиции.

Кроме того, в пространстве кавказского мира помимо российского модернизационного проекта действовал исламский модернизационный проект, внедрявшийся Имаматом, сумевшим до определенной степени и на продолжительное время убедить кавказские горские народы в своей способности защитить их традиционность и выступить культурной альтернативой российским преобразовательным усилиям.

И хотя исламская культурная парадигма не сразу и повсеместно была принята в качестве нового ресурса в противостоянии с российской имперской структурой (это особенно касалось этнических обществ северо-западной части Кавказа), её императивная природа, основанная на универсализме традиционного типа, способствовала укоренению в культурном поле горских обществ. Кроме того, на определенном этапе военного и социально-культурного противостояния с Российской империей у горских этнических сообществ не осталось иных аргументов.

В существовавшей раньше и продолжающейся сегодня полемике в социально-гуманитарном сообществе России вокруг сущности и последствий Кавказской войны мало кто замечает, что «Кавказская война – это не сплошная цепь сражений, растянувшаяся на многие десятилетия. Это еще и сложная история жизни людей разных племен и культур на протяженном и весьма условном стыке между русским и кавказским миром», жизнь, «наполненная самыми разнообразными проявлениями человеческих отношений» [4, с. 242].

В этой связи следует согласиться с Я. А. Гординым, утверждающим, что социокультурное пространство Кавказской войны «было пространством парадоксальным, не сводившимся только к жестокости и взаимной ненависти» [5, с. 110]. Например, черкесские князья и уздени, вообще горцы всех сословий от частых столкновений с русскими не только в местах вооруженного противостояния, но и во всех иных обстоятельствах, многое стали заимствовать у них.

Так, горцы полюбили чай, сначала узнали его у кунаков, первоначально не понимая его вкуса, потом, привыкнув к нему, обзавелись собственным, а затем втянулись настолько, что уже не уступали русским в любви к нему. Отдельные князья и уздени, в подражание русским, пили чай из самоваров с большой важностью. Они стали даже обижаться на своих соплеменников, когда, бывая в гостях, не получали по этому случаю чаю [5, с. 30–31].

Элементом заимствования стали карточные игры. Карты так удачно прижились горцам, прежде всего, богатым и именитым, что «иной из них мечет направо и налево, как будто по призванию» [5, с. 32]. Игра в карты стала обыденностью и для так называемых «хищников», которые, по возвращении из своего ночного промысла, коротали свободное время за картами.

Перечисленные элементы, составлявшие оттенки российской культурной жизни, в кавказских условиях выходили на передний край повседневного существования в крепостях и всех других населенных русскими местах. Офицеры в свободное время от служебных обязанностей обыкновенно коротали свой досуг за зелеными столами и попойками. Было также обыкновенным метать банк, не вставая из-за стола, целую ночь до самого утра. Потом утром – на ученье, а с ученья опять доигрывать до обеда, а после – снова за карты, поскольку развлечений, кроме карт, не было или не находили [6, с. 33].

В так называемой интеллигентной части общества преобладали все те же карты и сплетни, а в массе – пьянство, независимо от возраста или социального происхождения [7, с. 5]. Поэтому горцам бросалась в глаза эта нехитрая сторона русской жизни, из-за своей повсеместности воспринимавшаяся как характеристика всего русского.

Что касается российской стороны, то «русское завоевание Кавказа сопровождалось страстной увлеченностью завоеванным краем» [8, с. 35], отчасти даже культурно-психологическим слиянием с ним.

Русские люди (дворяне и крестьяне, все по-своему) любили Кавказ, но не горцев, полных ненависти к русским и отчаянно боровшихся против незваных пришельцев. Русские любили Кавказ, потому что там они становились другими. Там кардинально переменялась их жизнь, их мировосприятие, жизненные установки, а привычные понятия российского социума наполнялись иным, первозданным смыслом, который был утерян в суете светского существования среди дворян или растворился из-за социальной несправедливости в крепостнических основаниях крестьянского бытия. На Кавказе люди приобретали свободу как состояние социального бытия, так и состояние духа.

Как свидетельствовал князь К. К. Бенкендорф: «Страна, подобная Кавказу, где место, занимаемое человеком – ничто, а сам человек – всё; страна, в которой, если для успеха движения не хватает общего импульса, то на помощь является добровольное и просвещенное содействие целой плеяды личностей; такая страна облагораживает человека, отдавшего ей душой и телом» [9, с. 364].

По мнению Я. А. Гордина, «неудовлетворенному дворянскому сознанию Кавказ не просто как географическое и этнографическое, но и как метафизическое явление давал возможность ощутить бытийную полноту» [8, с. 44].

Кавказ вдохновлял и завораживал. Кавказ рождал даже особую породу в русских людях – кавказцев, которые росли в атмосфере нравственной самостоятельности и в живом деле вечной войны, требующем независимости, сметки и решительности» [9, с. 364]. В этой самостоятельности и решительности заключался «ключ к успеху во всякого рода практических делах. А тем более в таком практическом и живом деле как война, да еще и народная» [9].

Кавказцы составляли особую «партию», а, скорее всего, некое негласное и естественное содружество лиц и массы, основанием которого являлось «глубокое знание края и любовь к нему» [9]. Характеризуя эту породу людей, М. Ю. Лермонтов отмечал, что «кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет над ним перевес ...» [10, с. 590]. Настоящие кавказцы – все люди военные, обитавшие на Кордонной линии. Каждый кавказец был «чужд утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дику; он понял вполне нравы и обычаи горцев, ... запомнил родословные главных семейств, ... знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски. ... Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия» [10, с. 591].

Одним из простейших признаков слияния русских людей с Кавказом было их «подражание горцам в одежде, ставшее естественным обычаем» [8, с. 36]. Солдаты и офицеры по собственной инициативе, получив первый опыт войны и жизни в кавказских условиях, вносили изменения в свою форму, мало приспособленную для Кавказа.

Офицеры спешили приобрести себе бурку и меняли казенную шпагу, мало пригодную для настоящего боя, на кавказский клинок [11, с. 406]. Некоторые из них даже форменный сюртук заменяли черкесской [12, с. 168].

Не только русские дворяне, но и кавказские казаки не оставались в стороне от культурного влияния горских народов, тем более что имели много выходцев оттуда в своей среде [13, с. 337]. Прежде всего, это влияние также проявлялось в одежде. Например, кабардинская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, через некоторое время в силу её удобства и приспособленности к кавказскому военному быту, стала форменной одеждой казачьих войск [14, с. 240–241; 15, с. 289].

Современные наблюдатели отмечали, что «приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями ... не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перешеголяли черкесов» [16, с. 8].

Линейные казаки переняли у горцев джигитовку, удалство и блестящую храбрость [14, с. 242; 17, с. 198] и, как отмечал внимательный наблюдатель, «казак линейский по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скачет» [18, с. 169].

Очень скоро среди кавказских солдат и казаков утвердился обычай, заимствованный ими из горских нравов: считать самым большим позором оставлять в руках врагов тела убитых товарищей. С большим укором встречали в войсках части, «не выручившие своих убитых и раненых» [19, с. 424].

Кроме того, в кавказских войсках утвердилось куначество между подразделениями разных полков. Князь А. М. Дондуков-Корсаков вспоминал, что когда часть кунаков проходила через расположение другого полка, то по обыкновению каждая рота или эскадрон угощали соответствующую кунацкую часть, выкатывали баки, кормили на свой счет артельных лошадей, снабжали кунаков капустой, салом, луком [19, с. 419].

Такое боевое братство поддерживалось не только между солдатами кунацких полков, но и среди офицеров этих полков; «отношения эти составляли одну из самых дорогих и теплых связей кавказцев» [19, с. 419].

Особым средством поддержания отношений между горцами и русскими, а также своеобразной местной формой прибыльного бизнеса был обмен пленными. Война между непримиримыми сторонами неизбежно порождала плен как обычное явление всякой войны, но в кавказских условиях плен часто служил «основною задачею войны, её конечною целью, как добыча, как своего рода вознаграждение за военное предприятие, риск» [20, с. 517], прежде всего для горских удалцов.

Пожива пленными, например, у черкесов, чеченцев, лезгин и многих других горских кавказских обществ «была одновременно явлением историческим и бытовым. ... Пленника, ясыря можно было продать, купить и обратить в раба, в рабочую силу» [20, с. 518].

Русским приходилось считаться с таким подходом горцев к пленным. Несмотря на то, что война диктовала свои правила в отношениях между противниками, требуя око за око, ей также принадлежал обычай: «возьми твое и отдай мое» [20, с. 518]. Исходя из последнего обычая, были возможны контакты, в результате которых обратно к своим, в свои просторы, пленные могли попадать посредством выкупа, обмена или побега.

Пленных чужаков обменивали на своих людей, на тела погибших в бою товарищей, на скот, на соль или другие товары, в том числе, на оружие или порох. С обеих сторон имелись для этого специальные агенты. Чаще всего ими были армянские купцы. За это они получали свой процент, а от российского командования именные серебряные медали, которые они очень ценили. Российской стороной выкуп пленных производился за счет войсковых сумм или за счет родственников пленного [21, с. 268–269].

Много пленных находилось в черкесских аулах. С людьми достаточными обходились относительно мягко, выдерживая взаперти некоторое время, сносно кормили. После пленения в русские крепости или станицы посылали лазутчиков с предложением о выкупе и сообщали запрашиваемую цену. Потом ждали ответного лазутчика с условиями места обмена и деньгами.

За казачьего старшину, офицеров или членов их семей требовали гораздо большую цену, чем за рядовых солдат или казаков, при этом обе стороны ловчили и старались обмануть друг друга [6, с. 60–64].

Такой же торговой тактики придерживалась и русская сторона. Русские плененных черкесских князей, дворян и известных наездников оценивали по более высокому ценам, чем рядовых горцев и членов их семей. В то же время «ловкие черкесские воры ценились дороже, чем честные и невороватые горцы» [20, с. 519].

Когда горцы понимали, что их узники оказывались людьми бедными, и за них нельзя было получить выкупа, с ними не церемонились и нещадно мучили. Кормили плохо и изнуряли тяжелыми работами. Чаще всего их содержали в сырых и зловонных ямах, вырытых перед саклями, в которых находилось от 3 до 5 сидельцев [6, с. 60–64; 20, с. 519]. Участь их была незавидной: они либо погибали от мучений или при попытках спастись бегством, либо оставались на долгие годы в рабстве, в качестве работников. Лишь единицам улыбалась судьба, и они обретали свободу с помощью счастливого случая или сердобольных молодых горянок, которые тайно от своих отцов и братьев помогали пленникам бежать [6, с. 82–91; 22].

Возвратившихся из плена солдат или казаков не всегда дома ждала теплая встреча, особенно тех, кто нарушал правила военной службы и не подчинялся требованиям дисциплины. Их командиры приказывали пороть возвращенцев палками или нагайками перед строем, чтобы те самовольно не отлучались из подразделений и не становились добычей горских «хищников». Это была наука другим, чтоб не повадно было. Как свидетельствовал Ф.А. Щербина: «Эта родительская мера отцов командиров практиковалась часто» [20, с. 521].

Но дальше всех в этом отношении заходил генерал А. П. Ермолов: «Он возвел плен в преступление и карал за это преступление не только тех, кто попадал в плен, а и те семьи, от которых были отторгнуты пленники» [20, с. 529–530].

Грозный генерал строжайше запрещал им выкупать своих родственников и членов семьи, чтобы не поощрять охоты на людей и пленопродавства, превратившегося в целую систему. Строгие запреты, однако, не исполнялись и выкупы, людей продолжались до самого конца войны, в том числе среди нарушителей был известный на Кубани генерал Г. Х. Засс, который в разное время выкупил и выменял у черкесов 424 человека русских пленных [20, с. 530].

Кавказские власти пытались вразумлять горцев и требовали прекратить торговлю пленными, время от времени, собирая в крепостях влиятельных среди горцев людей или тех, кто был, так или иначе, связан с похитителями. Им грозили карами и разорением аулов, но вразумлениям мало внимали.

Свою долю неволи несли и черкесские пленники, попадавшие к русским, которые их содержали в острогах или крепостях. Здесь, однако, надо отметить, что горцы, как правило, долго не задерживались в русском плену, поскольку были для русской стороны в тягость. Их не превращали в рабов, не использовали в качестве рабочей силы и не считали «продажным товаром». Наоборот, пленные горцы были большой обузой, «которую требовалось кормить, и за которую нужно было присматривать» [20, с. 531]. В горах знали об этом и пользовались данным обстоятельством, чтобы с выгодой возвращать своих пленников, запрашивая при обменах лучшие условия в свою пользу.

В то же время тюрьмы и остроги неожиданно сделались для горцев своеобразным пространством межкультурной коммуникации и местом знакомства с имперскими порядками, вообще с русскими как таковыми на близком расстоянии.

Среди сидельцев крепостных замков встречались так называемые «хищники», захваченные на месте своего промысла, которых содержали под стражей большей частью не для наказания или вразумления, а с целью обмена на русских пленных, находившихся среди горцев [23, с. 16].

С другой стороны, эти «хищники» были воры и убийцы, с точки зрения имперских законов, а потому их могли подвергать суду, которого те не понимали, «отдавали в арестантские роты или в солдаты и ссылали в Сибирь или во внутренние губернии России в административном порядке» [20, с. 533].

Случались горские перебежчики, которые бежали к русским не от военной службы, которой они не страшились, поскольку сам их быт был изначально пронизан милитаристскими устоями, они бежали в русские пределы «от тяжелых экономических условий» и желания «воспользоваться выгодами мирной жизни» [20, с. 531].

Среди военнопленных горцев был особый контингент людей, в отношении которого в русских пределах относились в известной мере с заботливостью, по крайней мере, им не причиняли вреда. Речь в данном случае идет о плененных женщинах и детях, которых захватывали во время экспедиций в горы. После определенного времени нахождения их под стражей в карантине, детей отдавали на воспитание в приличные семьи, причем девочек – только под опеку исключительно женщинам.

Таким образом, обстоятельства места и времени производили причудливое сочетание способов и характера взаимодействия между горскими народами Кавказа и русскими, обогащали опытом и знаниями, стимулировали обмениваться этническими артефактами, облегчавшими их повседневное существование.

Даже плен для горцев и для русских был своеобразной площадкой, порожденной условиями войны, на которой они знакомились с особенностями устройства жизни друг друга наряду со всеми иными местами и факторами, в которые ввергала их Кавказская война.

Литература

- Туманова О. С. Межкультурные коммуникации // Культурология / Под ред. проф. Г. В. Драча. М.: Альфа-М, 2003. С.244–263 .
- Садохин А.П. Этнология. М.: Гардарики, 2001. 256 с.
- Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Рольф, 2001. 560 с.
4. Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. 374 с.
5. Гордин Я. А. Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 352 с.
6. Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Выпуск 5. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 92 с.
7. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть II: 1851–1856 гг. СПб., 1879. 441 с.
8. Гордин Я. А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 288 с.
9. Бенкендорф К. К. Воспоминания // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.330–407.
10. Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Т. 2. / сост. и комм. И. И. Чистовой. М.: Правда, 1989. 704 с.
11. Аноев А. А. Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. 1877. Т.114. № 4. С.398–412.
12. Каченовский В. Первое знакомство с Кавказом // Военный сборник. 1863. № 7. С.157–178.
13. Обзор иррегулярных войск в Российской империи // Военный сборник. СПб., 1861. №12. С.329–348.
14. Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 2-е изд., доп. и исправ. Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1982. 256 с.
15. Захарьин Н. Н. Кавказ и его герои. Кн.1: Святыни, богатство и народы. СПб., 1902. 487 с.
16. Арнольди М. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска // Военный сборник. СПб., 1890. № 9. С.3–17.
17. Филипсон Г. И. Воспоминания // Русский архив. СПб., 1883. Т.3. С.73–200.
18. Грибоедов А. С. Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Изд-во «Правда», 1971. 368 с.
19. Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1845–1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.408–506.
20. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т.II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринтное воспроизведение). Екатеринбург, б/и., 1913. 880 с.
21. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский Дом, 2008. 400 с.
22. Волконский Н. Семь лет в плену у горцев (1849-1856) // В плену у горцев. Вып. 4. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 68 с.
23. Шипов Н. История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Выпуск 5. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. С.3–31.